

Игорь Жуков

СОКРОВИЩА

ПРАБАБУШКИ-
КНЯЖНЫ

Игорь Аркадьевич Жуков

Сокровища

прабабушки-княжны

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63350457

Сокровища прабабушки-княжны: Рудя; Москва; 2020

ISBN 978-5-9073551-3-2

Аннотация

Трилогия лауреата Всероссийских премий по детской литературе имени Корнея Чуковского, имени Петра Павловича Ершова, «Новая книга» и «Книгуру» Игоря Жукова состоит из трех новых сказок-детективов: «Шут, Рыцарь и Собака, или Девочка из пионерлагеря», «Драгоценности-невидимки» и «Тень виолончели, или Преступление на улице Глинки». Герои трилогии-начитанный Пёсик Фафик и сказочник Семён Семёнович – раскрывают разные преступления, постоянно попадая в смешные, но опасные ситуации.

Переживая вместе с героями книги хитроумные расследования, погони и схватки, читатель одновременно учится добру, справедливости, состраданию, любви к родной истории, классической русской литературе и подлинному искусству вообще.

Содержание

Глава первая, в которой пёсик Фафик танцует танец с саблями	6
Глава вторая, в которой пёсик Фафик и его кузен Кусафик пытаются наскандалить в парке	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Игорь Жуков

Сокровища

прабабушки-княжны

© Ф. Маляренко, 2020

© Издательство «Руда», 2020

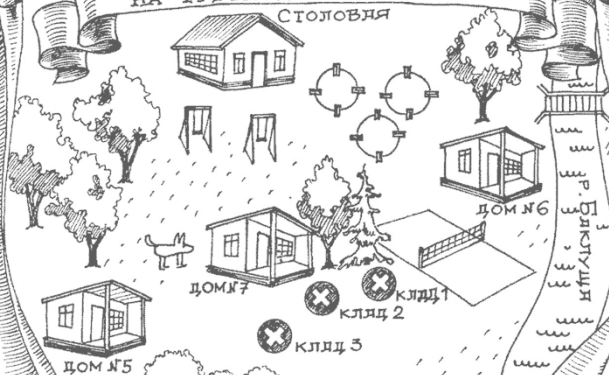
© И. Бордей, 2020

* * *

*Елизавете Костаки,
моим детям Илюше и Лизеи
друзьям и знакомым моего детства*

КАРТА КЛАДА ФАИНТА
НА ТУРВАЗЕ „ТЕРЕМКИ“

СТОЛОВНЯ

Глава первая, в которой пёсик Фафик танцует танец с саблями

Поэт и сказочник Семён Семёнович К. стоял на дощатом мосту через узкую речку в самом центре города. Он её всегда жалел, но сейчас ему было не до жалости.

Речке очень доставалось от текстильных фабрик. Но утки всё равно круглый год плавали по её зеленовато-коричневой воде, которая зимой не замерзала. Утки дремали и, кажется, чувствовали себя вполне неплохо. В отличие от Семёна Семёновича.

На одном берегу, прямо у моста, темнела центральная городская баня с притулившейся рядом пивной забегаловкой под названием «Жаба», на другом – когда-то очень современная гостиница «Клуб путешественников». Была поздняя весна, часы показывали полтретьего ночи, а Семён Семёнович изо всех сил собирался прыгнуть в воду. Желательно, вниз головой.

«Если верить философам, для достижения подлинной власти над миром надо вынести величайшие унижения, – думал поэт. – Я, мягко говоря, в последнее время невысокого мнения о поведении своей прекрасной дамы Лизаветы Столетней, но заставляю себя терпеть все её выходки.

Но ей, похоже, до моего терпения нет никакого дела, и ни к какой власти не только над миром, но даже над ней я ни на шаг не приблизился. Лизавета опять исчезла, не оставив даже записки. На свидание не пришла, дома её нет и по телефону не отвечает... Что ж, видимо, остаётся окончательно втоптать себя в грязь по уши».

Семён Семёнович разделся до трусов, аккуратно сложил вещи и пристроил их на краешке моста, положив сверху свою знаменитую осеннюю шляпу-получилиндр. Но вниз головой прыгать не стал. Он перелез через перила и, держась за них за спиной, наклонился и разжал руки.

Угодив в холодную воду по грудь и при этом оказавшись по пояс в донной грязи и иле, поэт ужасно обрадовался, что остался жив. Он не хотел топиться, а хотел просто прыгнуть в реку от несчастной любви.

«Я жив! – завопил он в полуночной тиши, увязая в грязи и иле. Выбрался на берег, подхватил одежду и побежал домой, оставляя мокрые следы: – Я жив!»

Друг и собака поэта Пёсик Фафик прямо посреди ночи приводил в порядок холодильник на кухне Семёна Семёновича – съедал, по его мнению, лишнее.

Лишнее было почти всё.

Фафик как раз удачно избавился от лишней сковородки котлет, когда на пороге появился хозяин дома – мокрый, в трусах и шляпе и с глазами, как у селёдки.

– Батюшки! – всплеснул лапами Фафик.

– Я поэт. Я прыгнул в реку, – скрипучим механическим голосом вяло произнёс Семён Семёнович. – Я жив.

Собаке поэта уже много раз приходилось приводить в чувство своего хозяина, и делала она это всё время разными способами.

Фафик прихватил с собой длинный кухонный нож и втащил Семёна Семёновича в гостиную. Там он усадил друга-хозяина прямо в шляпе и трусах в мягкое кресло и быстро отодвинул к стене журнальный столик с кривыми стопками книг и открытым нетбуком на нём.

Потом Пёсик нажал на клавишу нетбука, и гостиная наполнилась музыкой умопомрачительного «Танца с саблями» Арама Хачатуряна.

Тогда Фафик выпятил грудь, важно вышел на середину комнаты и принялся выделять замысловатые па, кружиться вдоль стен и подпрыгивать чуть ли не до потолка, то размахивая ножом, то крутя его над собой.

Удивительно, что он ни разу не задел люстру ни клинком, ни лапами, ни головой.

Собачья хореография Фафика могла бы довести до хохота, если бы не некое магическое электричество, которое исходило от него во время танца.

Очень скоро на лице Семёна Семёновича появилась блаженная улыбка. Его всё ещё мокрое тело вжалось в кресло, руки впились в подлокотники, а длинные волосы, казалось, приподняли шляпу. Из глаз покатались слёзы наслаждения.

«Это же дико смешно, а я не смеюсь! – подумал поэт. – А почему?.. А потому, наверное, что, примерно, вот так когда-то великий танцовщик Серж Лифарь несколько часов танцевал в лечебнице для душевнобольных перед безумным великим танцовщиком Вацлавом Нижинским. Танце-

вал, чтобы тот хоть на мгновение пришёл в здравый ум и твердую память.

И, в конце концов, Нижинский на несколько секунд словно бы очнулся от тупого многолетнего сна, словно бы что-то вспомнил и поднялся в воздух в своём знаменитом прыжке, взлетел!..

Нижинский, хоть и ненадолго, от танца пришёл в себя. На меня же, наоборот, находит окончательное умственное затмение!.. Ну, правильно, – Нижинский же был сумасшедший! Значит, я пока ещё психически нормальный.»

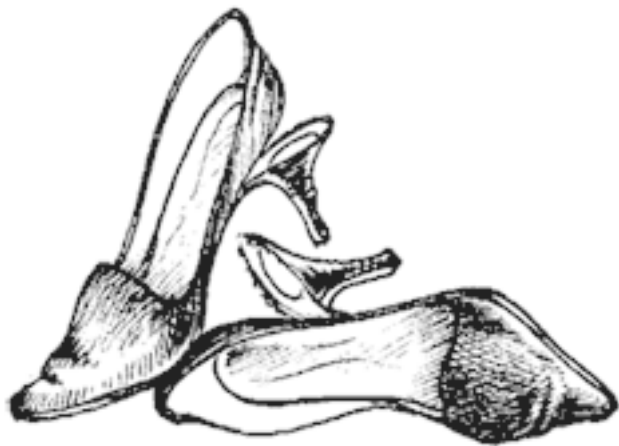
Музыка смолкла, и Пёсик Фафик распростёрся ничком на ковре после последнего прыжка.

– Да, больше суток отсутствия Лизаветы Столетовой для вас – это многовато, – пробормотал он. – Но, может быть, она исчезла не по своей воле, дорогой Семён Семёныч? Может быть, её похитили? Ведь она же у вас одна по улицам ходит даже когда уже тьма кромешная!

– Да уж! Для неё темно или светло на улице во время прогулок не имеет никакого значения в отличие от того, тепло или холодно. Она не то, чтобы не боится встретить кого-нибудь ужасного в тёмном и безлюдном месте, она просто об этом никогда не думает. Идёт себе – и всё!.. – вяло закивал поэт, но тут же воодушевился – А ходит она очень быстро, поэтому у неё часто ломаются каблуки! А я потом отношу её туфли к сапожнику...

– И стихи про Золушку сочиняете... Семён Семёныч, мо-

жет, пора её искать по-настоящему, чёрт побери?!.. А на этом мосту ещё мемориальную табличку привинтят. В честь вашего исторического прыжка в реку во имя несчастной любви.

Глава вторая, в которой пёсик Фафик и его кузен Кусафик пытаются наскандалить в парке

– Вообще-то, Семён Семёныч, вокруг Лизаветы всегда увивается куча кавалеров – вполне возможно, что среди них может оказаться и преступник... – продолжал Пёсик Фафик, лёжа на ковре. – А вы какой-то несмелый со своей возвышенной любовью, и ещё... Иногда мне кажется, что вы ей нравитесь меньше, чем другие...

– Это не ваше дело, Фафик! – поморщился поэт. – Да, моей любви по душе знаки внимания всяких проходимцев! Но, слава Богу, инстинкт самосохранения не позволяет ей поддаваться на их приманки.

Семён Семёнович сказал неправду, потому что, как всегда, пытался успокоить себя. На самом деле его прекрасная дама иногда слегка поддавалась на чужие приманки и действовала, как говорится, методом проб и ошибок, экспериментировала, что ли. Но эти эксперименты часто её увлекали, и ей тогда казалось, что она влюблена со всеми последствиями.

– Как же не моё дело, когда вы – мой друг-хозяин! – каждый раз страдаете в этой борьбе – не сказать «войне» – за свою любовь! – возмутился Фафик. – А вы ещё ужасно добрый для этой беспощадной борьбы. Вспомните историю в парке с Кабановым-Семипильским...

Семён Семёнович про эту историю никогда и не забывал. Однажды они с Пёсиком Фафиком и кузеном Фафика по имени Кусафик – здоровенным известным забиякой – гуляли в парке. Надо сказать, что у собаки поэта было целых три

кузена: Кусафик, Гавгафик и Фигафик...

Так вот, Семён Семёнович и две собаки гуляли в парке и вдруг заметили в конце аллеи Лизавету Столетову под руку с известным путешественником и авантюристом Кабановым-Семипильским – большим дамским угодником и франтом.

Семёна Семёновича тут же начала душить ревность. Он, прячась за кустами и постаментами обшарпанных гипсовых статуй, забегая то с одной стороны, то с другой, с тихой яростью принялся издали наблюдать за этой возмутительной (именно такое слово пришло ему на ум) парой.

Фафик и Кусафик следовали за ним.

Вскоре впереди, спиной к наблюдателям, вынырнул из кустов, а потом опять в них скрылся ещё один поклонник Лизаветы Столетовой – профессор Тарзанов, который тоже явно за ней следил. У Семёна Семёновича не было сил отвлекаться на это ещё одно пренеприятное, хотя и очень смешное обстоятельство, – он просто машинально запомнил его.

А Лизавета мило щебетала и хихикала, склонив голову к самому плечу Кабанова-Семипильского.

Она, вообще, обожала гулять в парке или в лесу и при этом одевалась так, как иные дамы не одеваются и на бал, – в изящные свободные длинные платья и лёгкие широкополые шляпы. Лизавета называла такие прогулки «свиданиями с любимыми». Любимыми были деревья, кусты, свежая трава...

При этом её наряд не пестрил на фоне листвы или травы, а вполне сочетался с ними. Она выглядела как прекрасный, но не яркий нежный лесной цветок.

– Свидание с любимыми, значит! – гневным шёпотом крикнул поэт и тут же случайно наступил на лапу Пёсику Фафику.

– Семён Семёныч! – не взвизгнул, а только тихо проскуливал Фафик. – Собачье сердце надрывается смотреть, как вы по этой легкомысленной женщине убиваетесь и кругами возле неё ходите, как ослик!

– Да уж, господин сказочник! – поддержал кузена Кусафик, которому Фафик уже успел нашептать, за кем они следят. – Что ты так нервничаешь? Сейчас дадим этому Кабану по шеям – и всё!

– Дадим! – вдруг решительно выдал совершенно мирный и очень осмотрительный Пёсик. – Или покусаем! Или напугаем!

Он, видимо, заразился драчливым духом Кусафика, и вместе с любовью к другу-хозяину в нём заговорила вздорная собачья солидарность.

«Слава Богу, что я им про профессора Тарзанова ничего не сказал!» – подумал Семён Семёнович, а вслух произнёс:

– Не надо, что вы! Подумаешь, прогуливаются! Это его и её естественное право!

– Вот пусть за своё естественное право и пострадает! – твёрдо протявкал Фафик. – А то сил больше нет смотреть на

вашу унылую гнусовидность в поражённом состоянии!

Семён Семёнович ещё раз попытался уговорить собак, но они ни в какую не соглашались.

– Дадим – и всё! – сказал Кусафик. – Потому что это тоже наше... как его... естественное право! И не лезь, а то и тебе дадим!

Собаки ринулись через кусты, чтобы забежать вперёд возмутительной пары и устроить «Кабану» засаду на перекрёстке двух аллей.

Семён Семёнович бежал рядом и уже не уговаривал, а умолял их не совершать опрометчивых жестокостей. Но Фафик и Кусафик завелись до невозможности.

Тогда поэт от них отстал и пошёл навстречу Лизавете и её кавалеру.

Он предстал перед ними весь как деревянный и не то, чтобы проговорил, а прожужжал, как из кассетного магнитофона «Весна» семидесятых годов прошлого века, в котором всегда как будто насекомые пели:

– Вас, господин путешественник, сейчас собираются бить из-за меня, но я этого не хочу! Это моё естественное право! Я пойду с вами.

Возмутительная пара ничего не смогла ответить – Кабанов-Семипильский был слишком удивлён, а Лизавета – слишком смущена. Возмутительная пара двинулась дальше, а Семён Семёнович зашагал на деревянных ногах рядом. «Как дурак!» – сказал позднее Фафик.

Втроём они прошли перекрёсток аллей мимо злоумышленников Фафика и Кусафика. И те даже не шелохнулись, и к Кабанову-Семипильскому не пристали, потому что были слишком удивлены и смущены одновременно. А ещё потому что были не злые, а просто заводные. А тут завод мгновенно прошёл.

«Ведь это со стороны Семёна Семёныча, вроде бы, предательство по отношению ко мне и Кусафику, – подумал Фафик. – Но это какое-то правильное предательство».

Когда прекрасная дама, поэт и путешественник вышли из парка, Кабанов-Семипильский неловко раскланялся и исчез в толпе.

– Ты меня сегодня, пожалуй, в первый раз по-настоящему поразил, – наконец нарушила своё молчание Лизавета. – А я просто прогулялась под руку со знаменитостью – и всё. А ты, небось, опять Бог знает что нафантазировал!.. Я от тебя никогда никуда не денусь, потому что ты добрый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.